

Сергей Черепанов

ВОСКРЕСЕНЬЕ,
ПОНЕДЕЛЬНИК,
ВТОРНИК...

Сергей Черепанов Воскресенье, понедельник, вторник...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26713454
ISBN 9785448580147*

Аннотация

Изо дня в день, из месяца в месяц разворачивается волшебная скатерть жизни. Самые обыкновенные удивительные люди живут с тобой рядом, протягивают тебе руку – и незаметно учат счастью, передают послания истины, ведут по светлым путям. Эта книга – волшебное путешествие, в котором тот, кто когда-то был маленьким, вернёт себе хранимый с детства клад искренних чувств, ярких впечатлений и целительной способности удивляться.

Содержание

Воскресенье	5
Пролог	5
Мечта	6
Сборы	7
Золотая рыбонька	11
Дядя Лёва	13
План	15
Дядя Коля	17
У дяди Коли	18
Чудо шоколадное	20
Из послесловия	22
«Живая рыба»	23
Яша умеет всё	27
Из послесловия	29
Кто у нас главный	30
Во дворе	31
Из послесловия	33
Свой мастер	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Воскресенье,
понедельник, вторник...**

Сергей Черепанов

© Сергей Черепанов, 2017

ISBN 978-5-4485-8014-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Воскресенье

Пролог

Хорошо просыпаться в воскресенье. Самому, раненько. И лежать, где-то между явью и сном, вернее – между сном и явью. Валяться пока не надоест, вволю, до ломоты, потягиваясь и предвкушая, какой сегодня будет день.

Яша возьмет меня с собой, на прогулку!

Я помню этот путь и сейчас. По Жилианской в «Живую рыбу», и на стадион, маршировать. И в «Сказку» – игрушечный магазин – посмотреть настоящую железную дорогу, и к дяде Лёве в «Пищевые концентраты» за конфетами. И может быть еще в парикмахерскую к дяде Коле, и в кукольный театр. И в парк на пони кататься.

Яша наденет ордена. И я буду идти, как взрослый, не за руку.

И явь – та явь – побеждает, мне уже слышатся шепоты: и за маминой-с-папиной ширмой, и за дядиной-с-тетинной, и в кухне уже, кажется, что-то шипит и грекает – воскресенье! – вспоминаю я и, путаясь в ночной рубашке, бегу собирать деньги, пока никто не ушел.

Мечта

Я уже собрал пятьдесят рублей, а надо 12 рублей 50 копеек, это на старые деньги – 125 рублей, вот сколько еще осталось. Но каждое воскресенье мне дают по рублю, то есть теперь по десять копеек, и я кладу в копилку. «Ко дню рождения как раз насобираешь, – сказал тогда Яша и первый дал два рубля. И он следит, чтобы мне давали все. «Потому что ребенок собирает не на фигли—мигли, а на вещь, немцы делают качество, это у них не отнимешь.»

Немецкая железная электрическая дорога! Это мечта. Повернул рычажок – туда, повернул сюда – едет обратно. А красивое же всё! Можно сколько хочешь переключать. И стоять, расставив ноги, как Гулливер, а она ездит! Это мечта. Дедушка знает. Он все знает. И про паровозы, и про бронепоезда. И даже имеет орден, как герой. Орден «Знак Почета», который он надевает в воскресенье, когда мы идем гулять, чтобы люди оказывали ему эти знаки.

– «Сегодня воскресенье!» – вспоминаю я и, собравши семьдесят копеек, со всей семьи, – мама, папа, тетя, дядя, Соня, а дедушка дает 20 копеек, наверное, за себя и за кошку Пупку, – «Воскресенье!» – вспоминаю и бегу к бабушке одеваться.

Сборы

Если была зима, дедушка надевал серое двубортное пальто с каракулевым воротником на двойном ватине, а под него теплые брюки из темно-синей шерстяной ткани и жилетку на меху, а под них рубашку или шерстяной свитер, закрывающий шею, а под это – теплые баевые кальсоны и такую же фуфайку, а под них уже только майку и трусы, и всё. (Ой, я забыл носки на резинках... Нет, резинки к чулкам были у меня, а у дедушки к носкам вели маленькие подтяжки или еще были носкодержатели – такие круглые пружинки, от которых оставался ребристый след, пережимающий ногу). Так вот, кальсоны заправлялись в носки, а брюки заправлялись в валенки, а на валенки надевались галоши. Плюс шарф, плюс смушковая папаха, плюс рукавицы на меху.

– Пар костей не ломит! – любил повторять Яша, а Соня хмыкала, но молчала, потому что ту же поговорку повторяла и мне, а сама ходила, как дедушка говорил – голая, всегда нараспашку, расхристанная, весь год в тоненьких прозрачных чулочках, в туфельках. И дедушка кричал на нее, заставляя надеть теплые трико, но, во—первых, на бабушку сильно крикнешь. А во—вторых, – смотри, что «во-первых». Когда же наступала весна, он надевал американское кожаное пальто, самое настоящее, оставшееся с войны, точь-в-точь как у майора Жеглова, и высокие желтые ботинки на двой-

ной кожаной подошве, тоже американские. А вот остальное, за исключением может быть смушковой папахи, менять не спешил. Все знали: на «кучки», на еврейскую пасху жди похолодания, а то и снега.

Но вот наступал май и Яша, наконец, мог надеть коричневый двубортный габардиновый костюм и чешские туфли на микропорке, мог надеть белую нарядную рубашку с запонками, вязаный галстук с золотой булавкой, и даже если забывал не надеть кальсоны, то, во-первых, они уже были обычные, а не баевые, а во-вторых и в мае можно еще ожидать чего угодно, даже заморозков.

Теперь я знаю, что к теплу, к лишней одежде, приучил его туберкулез, удачно залеченный по комсомольской путевке в Ялте, залеченный, а не вылеченный, о чем Яша помнил всегда, а также приравненный к нему Чкаловский патронный: в цехах не топили, холод был собачий и работницы то и дело бегали к жаровням, к раскаленным докрасна бочкам. А в кабинете хотя и стояла у Яши буржуйка, но, во—первых, в кабинете плана не высидишь, а во-вторых, никакого «во-первых» просто быть не могло, могли и на фронт, и нарисовать «десятку» за саботаж, а то и поставить к стенке, как врага народа. Но, в-третьих, дедушка в отстающих никогда не ходил, в хвостистах не значился, а, напротив, был ударником, победителем соцсоревнования, выдвигенцем.

Из цеха на поле, с поля – на участок свинооткорма, оттуда – на станцию получать американскую помощь, со стан-

ции – на элеватор, с элеватора – на бурты за картошкой, оттуда – в рабочую столовую, а был еще и пошив кисетов для фронта, и рукавиц, и одеял, и пруды, и ясли, и чего только Яша не затеял и не довел до ума, то есть до реальной отдачи, ну и, конечно, до грамоты, записи в характеристике, медали, ордена. – Жаркие были деньки! – говорил Яша. И под гимнастерку поддевал и майку и баевую фуфайку. А поверх френча сталинского фасона – так на фото – кожаное пальто нараспашку. Потому что нараспашку на френче видны орденские планки, видны отчетливо даже на фото. В начале мая для разнообразия надевал он габардиновый плащ, и тоже нараспашку. Но и под плащ и под пальто орден не надевался, не полагалось, и можно было, не дай бог, зацепить, сорвать, утратить. Утерянные ордена замене не подлежали. Вот почему он так ждал лета или конца мая, торжественного дня, и так тщательно подбирал одежду, обувь, головной убор.

К Яшиному прекрасному росту и точеному (совсем не еврейскому) носику гармонировало, как говорил дядя Лёва, исключительно всё. И мягкая фетровая шляпа, и клетчатая тиролька с пером, привезенная из Венгерской Народной Республики, и кожаное шоферское кепи, которыми во время войны комплектовались «студебеккеры», и берет, и даже носовой платок, завязанный на четыре угла.

Но, во-вторых, это не имело никакого особого значения, потому что сейчас не надевалось.

А во-первых, и можно сказать – в единственных, все это

лишнее – и плащ, и пальто – не надевалось ради одного – ради того, что бабушка называла непонятым словом «кувыт», ради того, чтобы дать приличный фон для орденских планок и самого ордена «Знак Почёта».

Высокий не закрытый ничем лоб, лоб вдохновителя и организатора, открытая двубортная грудь в подтверждающих этот лоб медалях и орденах, и рядом внук, от которого, как говорил дядя Лёва, глаз не оторвать. Разве можно что-то добавить к такому счастью?

Золотая рыбка

Оказывается, можно. Теперь я знаю точно и могу вам сказать не по секрету. Давным-давно, еще до войны, Яша поймал Золотую Рыбку и попросил у нее, чтобы она стала бабушкой, то есть чтобы превратилась в красавицу Соню и стала его женой. А та сказала «Хорошо. Но теперь ты будешь исполнять мои желания. И не три – а все!» А Яше только этого и надо. Потому что родиться волшебницей – это одно, а стать им – совсем другое. Совсем другое дело. И устроить пусть не сказочную, но вполне приличную жизнь, что всегда было не просто, ой, не просто...

«Золотце», «рыбка»... Теперь все становится понятным. Артель инвалидов имени 34-ой годовщины Красной армии, полуподвал, серый халат, измазанный краской, цех наката рисунков на кульки, где Яша работал техноруком, когда его ушли из министерства.

И Соня – Золотая Рыбка.

Вы можете представить ее на производстве? И все же Соня потребовала и Яша трудоустроил ее к себе, на фабрику кожгалантереи. Почему к себе? А характер? Кто бы её держал, кроме Яши? Но и он очень скоро понял и перевел владычицу морскую в надомницы, для пенсии и вообще, якобы плести сетки, которые обычно вязал сам, вечером после работы.

Настоящая жизнь начиналась вечером, когда Яша, поужинав и попив чайку, прилаживал начатую сеть на батарею.

– Ну? – Соня садилась напротив, и бабушка нехотя начинал, и море уже волновалось, из пучины всплывали какие-то Галины, Полины, Сегуты... И только Ирэна, председатель месткома...

– А Таранова? – перебивала Соня.

– Сидела, ниже травы, как воды в рот набрала. А Ирэна одна...

– Таранова... – Соня, кажется понимала, кто за этим стоит.

– Таранова ничего. – (наивный Яша, ой, наивный!) – А Ирэна встала за меня грудью. Напомнила им...

– И ты ей веришь?! «Таранова ни при чём». Это она настроила, уверяю тебя, она Шкловеру диктовала... Голову даю на отсечение, она!

Придворные волны интриг накатывали – и докатывались до кухни и, – какой там затушить! – только разжигали вулканы коварства и мстительности. Какие планы, маневры, дезы и коалиции! Как горели щечки, ноздри раздувались, и груди вздымались от возмущения! Как хороша она была в гневе, безусловно, праведном. И Яша, забывая плести, смотрел на Сурочку влюбленными глазами.

Дядя Лёва

Из всех дедушкиных друзей дядя Лёва любит меня больше всех. Потому что: «Этого ребенка нельзя не любить. Вы не поверите, я в жизни не встречал...» – заводит он свою восточную песню каждый раз, когда мы с бабушкой заходим в магазин.

– Спасибо, Лёва, – сдержанно, с чувством достоинства, отвечает Соня.

– Эти кудри, эти ресницы...

– Спасибо, Лёва.

– А этот носик! Вы посмотрите только на этот кончик!
Вылитый Яков Исакович!

– Ой, Лёва, ну что вы, мальчик как мальчик, – отвечалось обычно.

– Я уже не говорю вам, с каким вкусом вы его одеваете...

– Это не мальчик, а марципан, зэфир, – вмешивается в разговор Аза, Лёвина сестра, продавщица, – зэфир в шоколаде. Честное слово, так бы и съела всего.

Губы ее при этом вытягиваются, глазки источают мед, и она нависает надо мной из-за прилавка всей массой, всей копной надушенных волос. – На конфетку! – говорило ее большое лицо, протягивая, однако, «Дюшес» или «Кис-кис», леденец или тянучку, которые я брал с неохотой.

И все же мне нравится, как меня принимают в «Пищевых

концентрах». Если закрыть один глаз, то в зеркалах видно, какие действительно длинные у меня ресницы. Я решил сниматься на фото только с закрытыми глазами. Так лучше получаются мои ресницы. Один раз я успел прикрыть глаза и так получилось. Мне нравится эта фотография. Дядя Лёва фотографировал нас в магазине. И нас с дедушкой всегда угощает. Тетя Аза тоже не такая уж липкая, как говорит бабушка. А какая огромная у нее голова!

План

Воскресный завтрак я даже описывать не хочу. Все знали – главное сегодня – обед. И к нему готовились загодя. Яша закупался на неделю. А женщины с утра уже копошились на кухне, и нам, уходящим, перепадал какой-нибудь вчерашний блинчик, или яйцо вкрутую, оказавшееся лишним для оливье, или что-то такое же неинтересное, типа ножки из супа, или бутерброда с наскоро поджаренной докторской, или хуже всего – манная каша, о чем вообще лучше не вспоминать. За завтраком и говорилось о том, что надо докупить к обеду, но ни в коем случае не перебить аппетит, не обратиться конфет у Лёвки, а выполнить все, что намечено.

– Постричься – раз, сандалики – два, сахар – три, посмотреть, есть ли рыба... – называл по пунктам Яша и Соня кивала: – Нет, к Лёве можете не заходить. И в «рыбный» – ни в коем случае – микропорка впитывает запах! Я потом не домоюсь! Ты слышишь?

И Яша кивал, соглашался.

Яша считал, что главный добытчик – он, а бабушке – следить за домом, добром и «кошечкой», т.е. за мной. Но, как говорится, человек предполагает, а у Сони – свое мнение, слава богу, своя голова на плечах, и когда речь заходит о детях, ничего не хочу сказать, дети как дети, всем бы таких детей, но и у них, – что они знают? – один ветер в голове, или

о Яшиных врагах на работе – наивный, ты что, знаешь, кто тебе враг, а кто друг, а кто предатель, не говоря уже о внуке, таком больном ребенке, не приведи господи, у других и десятой доли того нет, что у него, и пусть им будет на их головы, а мы с тобой знаем ради кого мы живем.

И Яша снова кивал, соглашался.

Дядя Коля

У дяди Коли тоже большая семья. – Орава, – говорит бабушка. (Она тоже ходит к дяде Коле, только не в парикмахерскую, а домой.) – Банда! Шутка ли семь душ на иждивении – это ж какой-то цыганский табор – и собака, и белая мышь, а теперь еще и попугайчики – нет, это какой-то бродячий цирк, слушайте, и все на его шее сидят и погоняют! От мала до велика.

А я вижу: тянутся деточки к нему, раскрыв рты, словно птенчики из гнезда, вытягивая шею

– Что я купила – сушки – он выдал им по одной, а остальное спрятал. И никто не просил еще. Ты слышишь, – даже самый маленький. Взяли и пошли. Спрашивается, надо было столько рожать? Хотели мальчика. И что в результате? Господи... Коля и сам не Аполлон. А тут выбежало такое лупатое, кривоногое, нос картошкой, лысое, – бабушка смотрит на меня с умилением, – схватило эту сушку... По-моему, она опять беременна, ты слышишь? Яша!

В ответ – веселое жужжание электробритвы...

У дяди Коли

Парикмахерская у нас через дорогу.

Раньше на кресло клали доску. А теперь я сам сажусь в кресло, и дядя Коля его поднимает, нажимая раз за разом на педаль. Идти к парикмахеру я давно не боюсь. А подстригаться не хочу из—за кудрей – они у меня выются сами собой. Это красиво. Это всем нравится. И дедушка обещал не трогать, а только подровнять.

– Как обычно? – спрашивает дядя Коля. – Нивроко, отрастают.

– Нет, – говорит Яша – только подровнять.

– А пробор? Здесь? Тут? – мастер проводит расческой снизу вверх и разводит пробор в стороны. – Здесь?

Яша смотрит, потом достает свою расческу, – не ту капроновую, вечную, с гибкими усиками, как у улитки, в три ряда, – а короткую, красиво-прозрачную с неострыми зубцами и точно так же, как мастер, снизу вверх, и разводит пробор в стороны:

– Здесь!

И мастер кивает, принимаясь за дело.

Дядя Коля – мастер. Признанный, – как говорит дедушка, – лучший на всем Балтийском флоте. Крахмальный халат его без единой морщинки. Лицо и вся голова выбриты до синевы. А серебряная серьга в ухе? А мысок тельняшки? Нож-

ницы его шелестят мягко, металлическая расческа не царапает, а наоборот, отделяет волоски друг от друга, точно ветерок, и все это вдвойне приятно и радостно, когда уже не боишься, ничего, даже бритвы, и все об этом знают.

Ножнички и расческа его летают и щебечут, машинка жужжит и, кажется, достаточно двух касаний, чтобы височки встали на место. Осталось чуть-чуть подровнять челку, пшикнуть шипром из пульверизатора и... И тут я замечаю, что меня не подравнивают, а стригут! И уже ничего не осталось завитого ни тут, ни там... Дедушка сидит далеко. Меня обмахивают мягенькой кисточкой и я понимаю, меня обманули, обещали – и обману... Жаловаться некому. Дядя Коля как фокусник встряхивает простынку... Дедушка одобрительно кивает... А я не знаю, плакать мне или нет.

– Ну, вот, теперь на человека похож, – говорит Яша.

– Теперь видно, что папа – офицер, – говорит дядя Коля. –

Теперь можно и на парад.

А я ничего не вижу. Сейчас они закапают. И будет стыдно-стыдно...

– В «Живую рыбу» Золотую Рыбку завезли, – говорит дядя Коля. – Зайдите обязательно.

– Зайдем, – говорит дедушка, – зайдем. И я вижу, как они улыбаются.

– Зарастайте! – говорит дядя Коля вместо «до свидания».

Чудо шоколадное

– На, высидай нос. – Яша протягивает носовой платок, чистый и выглаженный, сложенный многократно. И я беру, и делаю. Если я вдруг заупрямлюсь, мотая головой, Яша одним движением встряхнет, раскрывая его, уловит меня за нос, как маленького, заставит дуть сначала одной, потом другой и, проверив качество работы, скомкает и сунет в брюки. Но это стыдно, унижительно. И вообще не сделать того, что говорил Яша – мысли как-то не возникало, дело делалось само, хотя голоса Яша не повышал, конфетку не сулил.

Правда, насчет конфетки я знал, будет мне и конфетка, даже две – «Мишка» и «Белочка» – именно те, что любил и Яша – и знал, когда и где он их купит – на обратном пути в «Пищевых концентратах». Но связи между тем, как я буду себя вести на прогулке, и конфетами не было никакой, они покупались всегда, самые вкусные и дорогие. Уступавшие, может быть, только тому шоколадному дому с медведями, о котором я уже рассказывал, а мне рассказывала мама: о размерах, и о том, какой вкусный, и как все объелись, и Соня, и Яша, и опухли, особенно дети.

– Его привез директор кондитерской фабрики, – каждый раз отвечала мама. И я представлял, как он входит, с мешком, точно как Дедушка Мороз, и достает оттуда вот такую коробку шоколадного цвета и ставит на стол...

Нет, такой легендарный торт не мог быть обычным подарком, – это как медаль, как орден. Сам директор кондитерской фабрики!

– А еще привезет? – каждый раз хотелось спросить мне, но я знал – «утерянные ордена замене не подлежат». А скупанные – тем паче.

Из послесловия

О том, как было на самом деле, – об эвакуации, о подвигах и наградах, – я узнал совсем недавно, сводя воедино, сшивая, как лоскутки, документы и фотографии, мемуары, обнаруженные в интернете, и то отрывочное, что слышал от Соны, от мамы. И то, что, казалось, забыл, и вдруг вспомнил дядя Саша. А вот Яша об эвакуации не рассказывал. Не хотел, или я не просил...

«Антрацит. Саратов. Наконец, Чкалов. Я приехала в гипсе, со сломанной рукой, – вспоминала мама, – выскочила из вагона во время бомбежки. Рука под гипсом чесалась. Все говорили: хорошо, заживает. А в Саратове сняли – виши, сплошь. И срослось не так, пришлось ломать...»

«Яша ехать с нами не мог – эвакуировал военные заводы – и мы друг друга потеряли. – вспоминала Соня. – Я работала на мельнице, грузила мешки с мукой. Мы уже и не ждали, не чаяли. И вот он нас нашел. И жизнь сразу пошла по-другому».

«Живая рыба»

Не зайти в «Живую рыбу», проходя мимо? Не постоять у темного бокового стекла большой кафельной ванны, дожидаясь, когда из глубины тебе навстречу выплывет может быть даже акула? Без этого и прогулка – не прогулка. И Яша обещал.

В этот раз дедушка останется у входа. «Микропорка впитывает запах». А я зайду. Я войду, осторожно ступая по вечно мокрому с прилипшей чешуей полу, отдающему сыростью, и, не взирая на очередь, протиснусь к бассейну. Детям – можно. Ведь я не стоять, я только посмотреть. «Дайте ребенку посмотреть, – говорит Соня, когда мы заходим вместе. И очередь, недоверчиво осматривая даму, пускает меня к стеклу. Я прилипаю, а бабушка, не приближаясь, следит, чтобы Рая меня не забрызгала. И Рая понимает. Ляпает меньше. А может, между прочим, и – больше, и с головы до ног. И кинуть на весы рыбу так, чтобы рыба, очнувшись, сама ляпала. И не давалась этой нахалке, этой «не хочу при детях». «Она хочет выбрать! Она, видите ли, потому и выстояла за живой!» Как вам это нравится? Я, кажется, продавец, а не рыбак!.. Нет! – это ей большая, а эта ей маленькая, и то – не то, и это ей не подходит. – На! Рыбалка! – Лови сама! – швыряет ей сачок Райка. И хочет повернуться и уйти в подсобку, бросив всё, всю очередь на произвол судьбы.

Очередь, конечно, на стороне оскорбленной. «Из чего выбирать? Из моей? Из вашей? А что нам? Останки? – Иди, не задерживай!»

Тетя Рая – великан. Когда она сидит, кажется, что стоит. А когда стоит – очередь кажется маленькой, как дети. И она может съесть целую миску крошки, ту здоровую миску, что Соня моет ноги. И за словом в карман не ползет. Соне она нравится. «Боевая! – говорит бабушка. – И такое несчастье». Мне трудно понять, это – рост, или ее мерзавец—жених, или разговоры о том, что магазин скоро закроют, рыбы нет, и ей с ребенком придется возвращаться к мачехе в Мариуполь. – Всё плохо, – говорит она бабушке, – когда мы заходим забрать уже почищенную рыбу.

– Но рыба же есть? – пытается утешить Соня. Понимая, что если это – рыба, то и Сенька Патарашный – кавалер.

– Возьмите, София Михайловна, – шумно вздыхает Рая. И передавая сверток, отворачивается со стыдом.

Я рыбу не очень люблю. Кушать её долго. И можно, не дай бог, подавиться костью. А вот смотреть можно без конца. Как блестит золотым бочком, как выплывает, как, испугавшись, вильнёт и скроется в глубине. Как стоит у стекла и смотрит на тебя широко открытым глазом, будто спрашивает: «Чего тебе надобно...»

– Деда! А почему рыбы не говорят? – спросил я одна-

жды. – Они глупые, или у них языка нет?

– Язык тебе покажет Соня, когда будет готовить рыбу. А не говорят... Я бы на их месте тоже молчал.

– А при чём здесь я? – не расслышав, о чём речь, спрашивает Соня из кухни.

– Я говорю, что за них все скажет Рая.

– А я при чём?

– Ты покажешь ребенку язык.

– Я, кажется, покажу тебе что-то другое, лахминзон. – Бабушка заходит к нам, руки в боки – и пристально смотрит то на Яшу, то на меня. – Что вы здесь хихикаете? А? Что он наговорил тебе? А? Что ты делаешь круглые глаза? Я вас выведу на чистую воду! Я всё понимаю...

– А по-рыбьи? – спрашивает Яша, хихикая. (И я уже не могу держаться.) Что я сейчас скажу? – Яша раскрывает рот три раза с булькающим звуком, точно рыба. – Что я сказал?

Соня, чувствуя подвох, еще внимательнее глядит на нас, переводя взгляд. И тут я не выдерживаю и начинаю хохотать, как резаный. Яша улыбается. И Соня, фыркнув: – Цвай—пара! – идёт на кухню.

– Ты – моя – рыбка! – кричит ей вдогонку Яша. – Буль-буль-буль!

Сегодня в «рыбном» сухо. Бассейн пуст. Ни воды, ни рыбы. Ни людей. «Завоза не было, – говорит тетя Рая кому-то. –

Может быть в среду. Зайдите завтра, я буду знать». Бассейн стоит пустой, стекло и кафель в грязных разводах, и на дне его вообще нехорошо. Тетя Рая сидит, подперев щеки толстыми кулаками, и смотрит на улицу. Глаза её пусты, как бассейн. Нет ничего пустее.

Я выхожу из «Живой рыбы» и, что вы думаете, – Яша дает мне конфету, «Мишку», а будет ещё и «Белочка», на потом – мои любимые! Яша купил их только что, в ларьке. Ведь нам предстоит ещё какая дорога. И столько дел впереди, пока не придем к дяде Лёве в «Пищевые концентраты». Тем более Соня запретила обжираться у него конфетами. Мы и не будем. Яша взял немножко, по сто грамм того и того. Что такое сто грамм – капля в море.

Яша умеет всё

– Я не знаю, – говорит Соня, – этот твой Лёва – одно и то же, одно и то же. Конечно, денег не стоит. – А муку мне дала с жучками! Что теперь с ней делать? Ну и что, что высший сорт? Теперь морока просеивать! Нет, что б что-то приличное – «Кис-кис». Бэбке этой проститутке «Столичные» небось. А ребенку – я тебя уверяю, – пососала, выплюнула и ребенку дала. Не знаю, они, по-моему, и 50—процентной не заслуживают. И он еще просит сестре?!

Ну, что на это ответить. Яша и не отвечал, изображая на лице что-то неопределенное, что Соня принимала, как одобрение, и успокаивалась. Требовать же большего, то есть активного участия в разговоре, Соня не стремилась. Яша всегда чем-нибудь занят: кушает, а с набитым ртом не поговоришь, или что-нибудь мастерит или налаживает. Дедушка умеет всё: и набойки подбить, и калошки на брюках подрубить, и сплести авоську, и сделать накат на стене, и почистить хрусталь, и «наполеон», и банки, и клизму...

А ещё он умел делать путёвки. Не доставать, а именно – делать. И бабушка ему говорила:

– Коле ты должен сделать в первую очередь, – в Трускавец, куда ж еще – чтобы хорошо оздоровиться. Нет, как хочешь, вплоть до того, что за счет Лёвки – пусть сидит здесь, и жрёт свои марципаны с жучками. Азочка обойдется! А Коле сам

бог велел, ты просто обязан, он же делает головку – загляде-
нье! – люби меня! Я даже слушать ничего не хочу!

И дедушка уходил за путёвками, вернее уезжал, на неде-
лю или на две, в Крым или Карпаты, Бердянск или Мирго-
род. Его, работника совсем другого отдела, бросили на вос-
становление санаториев и домов отдыха – «Людей надо оздо-
ровить». И Яша снова развернулся. Денег на ремонты не бы-
ло ни у кого, но Яша – где солдат, где стройучастки железной
дороги, где стройгруппы заводов – приезжал, убеждал, «вы
строите – и вам путевки, вашим коллективам, льготные – 50-
ти, 30-ти, 10-ти процентные!» И все были довольны. И, в об-
щем, обязаны Якову Исаковичу Бедерову, руководящему ра-
ботнику родного министерства. Шутка ли – за четыре года –
85 объектов. Что говорить – умел!

Из послесловия

«Яша приехал только к зиме, – вспоминала Соня. – Мы жили в бараке, я работала на мельнице. Давали немного муки и жмыха. И вот он нас нашел. И жизнь сразу пошла по —другому».

«Когда папа нашел нас, – вспомнила мама, – нам сразу дали комнату. Но папу мы видели редко. Он часто ночевал на заводе, в кабинете стояла кушетка».

И всё. Что могло выйти из этих обрезков? Какой там рассказ. Так – штришок, лоскуток... И всё же я понес его дяде Саше.

– Да, – сказал он, поглаживая, пробуя фактуру. – Жмых, я помню...

Кто у нас главный

Если по росту – конечно, дедушка. И дядя Лёва говорит: «Большой человек!» И Надькина мама, дворничиха тетя Дуся дедушке кланяется, и сам Маркос отдает честь. Яша храбрый, он никого не боится, он кого хочешь на место поставит и выведет на чистую воду, потому что видит насквозь, шутка ли, с детских лет на руководящей работе, и не таких, слава богу... Так везде – и на работе, и во дворе, и на войне. И дома, по всем вопросам к нему – и мама, и папа, и дядя, и тетя – все идут к Яше. И он дает совет, или деньги. И что-то решает, звонит, достает или делает. Дома он тоже главный. Если, конечно, бабушка спит, или пошла к дяде Коле, или вышла вешать белье или вынести ведро и задержалась ненадолго с Цаповецкой, поделиться последними новостями и заодно позвать меня кушать... Но, честно говоря, я не помню, чтобы бабушка куда-то надолго уходила.

Во дворе

– Я задеваю? Новое дело! Кому она нужна, эта неряха с её детьми по колено в грязи. Посмотрите на эти простыни. Вот куда надо пришить метку – ей на язык. Я бы такие трико постеснялась бы, честное слово. А платочки? Что они там ими вытирают, не знаете? Я думаю – всё! И язык её черноротый – как пить дать! И она ещё смеет, живет не расписанная...

Слово вбрасывалось, как шайба, и тут же стороны бросались в бой, ломались копья, то есть, говоря хоккейным языком, «летели» клюшки. А бабушка, как рефери, стояла в сторонке, скрестив руки на груди. Нет, ей уже не доставляло удовольствия лично кричать, размахивая руками, где-нибудь у белья или сараев, и даже лично наблюдать, как Таранова бегаёт по квартирам, показывая паспорт, то есть наблюдать со стороны, как режиссер-постановщик. Вбросить шайбу, а затем узнать о последствиях было много интереснее от соседки по льду: Цаповецкой или дворнички Дуси, от Раи из рыбного, от шляпочницы Бэбы – да мало ли, в конце концов – от Яши, если речь шла о его работе. От меня, наконец.

– И что же у нее теперь за такой вентилятор, ты видел? – начинала Соня. И я принимался описывать, какой он большой, и как он выбивает из рук карандаш, и сдувает кораблики в мыске и ванной, и можно сушить голову и промокшие ботиночки.

– Зачем, спрашивается, человеку две скороварки, или две вафельницы, или две печи «Чудо»? Или два мусорных ведра..? Незачем, – говорит бабушка. – Это, извините, жадность. Но одно-то необходимо, – заявляет она убежденно. И Яша согласно кивает, одобряя эту мудрость. И наш вентилятор будет не хуже, а лучше, на ножке, чтобы можно было ставить, где хочешь, на две или даже три скорости, чтобы гудел громко, как реактивка, соковыжималка или «Ракета», ценямая Соней за возможность пылесосить на весь дом.

Соня любила напомнить о себе. Показать, так сказать, кто есть кто. «Но говорить, что я кого-то задеваю?!»

Действительно, кого?

Из послесловия

...Копаясь, сшиваю обрезки, наметываю, перекраиваю, – пусть старое, пусть лоскутное – это моё одеяло. Правду надо знать. И кое-что нашел, разбирая архив: грамоты, приказы, командировочные удостоверения... Яша хранил их. Для чего? Грамоты и характеристики – понятно. И прavitельственная телеграмма, не откуда-нибудь, а из Москвы с требованием «срочно направить тов. Бедерова Я. И. в распоряжение Наркомата торговли». И резолюция парторга ЦК на 404-м И. Штейна: «Выезд, как работнику Наркомнефти, не имеющему отношения к Наркомторгу, запретить. Предложить продолжать работать». И телеграмма, и резолюция подчеркивали его незаменимость, как ценного кадра его вклад в победу над фашизмом. А остальные бумаги зачем? На случай проверки? Через тридцать лет после назначений и переводов? Или просто – дороги, как память? А может быть, он берег их для меня? Может быть и его, как и меня, заворачивал красный карандаш вместо чернил и подпись И. Штейна, так похожая на сталинскую?

Ежедневные дела Яша вписывает в книжечку остро отточенным твердым карандашом. Красный карандаш для этого не годится, требует много места. У Яши – простой, чертёжный. Букровки убористые, ровные, как солдаты в строю. Одно задание – одна строчка. Выполнено –

зачеркнуто. На обороте – пометки. Новый лист – новые дела. И строки, одна под другой, зачеркнуты, ровно, как под линейку. Можно подумать, что это – черновик поэта. Настоящего, чрезвычайно требовательного к себе и слову. Но у Яши – это не слова, а выполненные дела. Незачёркнутых нет.

Свой мастер

– Нет, ты можешь представить: она мне заявляет, что этот кокошник форменный, то что она стоит в магазине за прилавком, ей делала Бэба на заказ! Моя Бэба. Ну? Как тебе это нравится? Врет, и глазом не моргнет. Как будто у Бэбы больше дела нет, как якшаться с какими—то торговашами. Я у нее записана на сентябрь. А эта торговка: – Азочка! Как вам идет! – Ну! Будет с ней Бэбка так цацкаться? Так лебезить, перед кем, спрашивается... – продолжала Соня, но уже как-то не слишком уверенно, прищуривая то один глаз, то другой, задумываясь о чем—то. И дедушка понимал: с этой шляпочницей дела не будет. Соня вскоре узнает, что она портачит, или стала брать безумные деньги, и вообще слышала, что Галина Порфирьевна (жена нашего министра), тоже от нее ушла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.